

The background of the cover is a photograph of a city skyline at sunset. The sky is a gradient of light orange and yellow, transitioning into a darker blue at the top. The city skyline is in silhouette, with various skyscrapers of different heights and shapes. The most prominent building on the right is the Freedom Tower, which has a distinctive spire. Other buildings are visible to the left, including one with a pointed top and another with a flat roof. The overall mood is serene and urban.

АЛАН ГАТАЕВ

ВЫБОР БЛЕЙКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алан Муратович Гатаев

Выбор Блейка

**Серия «Длинный список 2020-го
года Премии «Электронная буква»»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48675928

SelfPub;

Аннотация

Символы его прошлого велят покончить с будущим. Отчаявшемуся агенту ФБР Артуру Блейку судьба дает последний шанс спасти себя и близких друзей, раскрыв серию убийств, на первый взгляд не имеющих никакой связи. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1. Итальянский на языке	4
Глава 2. Обратно к реальности	7
Глава 3. В погоне за фактами	18
Глава 4. Он, Дженкинс	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Часть 1

Глава 1. Итальянский на языке

Понедельник. 12:00.

Пистолет был кислый на вкус, потому что я недавно его чистил. Ствол неприятно упирался в зубы, растягивая челюсти. Я держал его в правой руке, один из пальцев был на курке. От конца меня отделяло только странное чувство незавершенности, будто я забыл выключить утюг.

Что если я действительно недоделал чего-то важного? Я пробежался взглядом по комнате, уцепившись краем глаза за тумбочку. На ней стояла фотография Джессики – моей дочери, которая погибла два года назад. Она попала под машину, потому что я не уследил за ней. Рядом с ее фотографией стояла фотография моих друзей, которые погибли неделю назад, потому что я не смог их вовремя остановить. Символы моего прошлого говорили мне покончить с будущим. И, по всей видимости, единственное, что мне оставалось сделать, – спустить курок и дать маленькому кусочку свинца выполнить свое предназначение.

Моя смерть была бы благом для всех, представлял я. «Возможно, я коммунист», – донеслось откуда-то из глубины в ответ. От этой мысли меня передернуло всего, и я едва удержался.

жал указательный палец от непроизвольного фатального сгибания.

Раздался телефонный звонок. Звонил мой адвокат, значит что-то важное – веская причина отложить пистолет в сторону.

– Здравствуй, Артур. Заседание суда послезавтра, в десять часов. Ты обязательно должен явиться. Судья должен убедиться в том, что ты действительно заинтересован в нужном нам результате.

– Послезавтра? Какой сегодня день?

– Сегодня понедельник, – ответил адвокат. – С тобой все нормально?

– Как сказать. Я постараюсь, хотя, возможно, мой приятель сегодня настоит на своем.

– Что за приятель? Я его знаю?

– Возможно. У него довольно известная итальянская фамилия – Беретта. Но он черный.

– Нет, не слышал. Но я советую послушать мои доводы, а с советами друга повременить. Я буду ждать твоего звонка.

Адвокат повесил трубку. Этот парень не зря считался одним из лучших в своем деле. У него получалось быть моим другом, словно ему действительно небезразлично, чем все закончится.

Жена решила уйти от меня после несчастного случая с дочерью. Мучительных два года она сдерживала это свое намерение. Но мне казалось, это было предательством с ее сто-

роны. Все вокруг твердили, что в таких случаях нужно стиснуть зубы и перетерпеть какое-то время, пока все не подстроится под новый ритм. А пока не пройдет обкатка, будут слышны странные звуки и толчки в коробке передач. Да, все именно так. И еще ни в коем случае нельзя жать на полную, или механизм ломается.

Какая примитивная аллегория. И совсем уж примитивный способ выключить мозг — я был одним из многих, кто считал, что сладковатый вкус виски — один из лучших способов не думать о плохом или перестать думать вовсе. Пара часов — и во рту останется только безвкусная каша из прошлого, настоящего и сожалений о грядущем похмелье. Увлекательная дихотомия алкогольного беспамятства и самоубийства.

В какой-то момент, держа пистолет в правой руке, а стакан с виски в левой, я понял, что мне не удастся пить со стволом во рту. А когда я проглотил четвертую рюмку, мне попросту стало лень закусывать дулом, и еще через пару глотков я уснул.

Глава 2. Обратно к реальности

Понедельник. 14:00.

Снова телефонный звонок.

– Блейк, где ты? – это был заместитель старшего агента.

Что я должен был ему ответить? Я чувствовал себя пробежавшим дистанцию марафонцем. А в качестве приза была дикая головная боль. Рядом с кроватью лежали две пустые бутылки виски и бутылка минералки. Много прояснилось.

– Да, мистер Стоун. Я, похоже, немножко проспал, тяжелый вечер.

– Какой, к черту, проспал? Уже почти два часа дня! Тебя тут полдепартамента ищет. У тебя куча незакрытых запросов. Макмиллан в ярости. Сказал срочно найти тебя.

Я ненавидел Стоуна за глупую привычку сгущать краски. Я знал, что ничего страшного не происходит, а Макмиллан, старший агент, всего лишь поинтересовался, все ли у меня в порядке, когда пришел в свой кабинет минут пять назад. Стоун же в попытке привести меня в тонус вывалил тысячу и одну гипотетическую причину необходимости моего присутствия на рабочем месте, хотя сам прекрасно знал, что несет полнейшую чушь. Все-таки у меня иногда пробегала в голове мысль о том, что он действительно думает о работе, а не злится из-за того, что я в очередной раз проявляю неуважение.

Слишком ты все близко принимаешь к сердцу, хотелось мне ему сказать, но вслух я ответил иначе:

– Да, Стоун, ты прав. Сейчас буду.

Что ж, пока мой друг Беретта не уговорил меня расстаться с прошлым и будущим, я был всего лишь частью бюрократической системы. Правила игры никто не отменял. Я должен был лизнуть потную задницу боссу, чтобы он получил право двигать свои фигурки дальше. Неважно, что после этого мне придется вонзить очередную иголку в куколку вуду своего самолюбия, причинив себе достаточно ощутимую боль.

Здание отдела находилось в десяти кварталах от моей квартиры, поэтому я практически не пользовался автотранспортом и всегда опаздывал. После двух бутылок виски нужно было проветриться и сделать это не торопясь. Тем более что был уже полдень, и, в общем, спешить было некуда.

Я шел по улице, словно на автопилоте, вокруг мелькали десятки незнакомых лиц. Говорят, великие мастера Возрождения так искали образы для своих шедевров. Вглядываясь в лица прохожих, они видели то же, что и я сейчас: радость, печаль, хитрость, желание. Я же мог лишь подметить, что незнакомцы идут на таком же автопилоте, что и я, по протоптаным насквозь тротуарам. Никакого прилива вдохновения я не ощущал.

– Привет, Артур!

Услышав свое имя, я наконец вышел из дорожного транса. Это был Фрэнк. Фрэнк был бомжем. Его место было у

коллектора в ста метрах от департамента.

– Привет, Фрэнк. У тебя кофе есть?

– Тебе как обычно? – спросил он тоном сосредоточенного провизора.

– Можно немного покрепче.

Фрэнк посмотрел на меня своими чистыми голубыми глазами и недовольно свел брови, а потом заговорщически ухмыльнулся. Глаза Фрэнка можно было причислить к одному из чудес света. Сколько бы он ни пил, они оставались ясными, склеры были белые, без единого лопнувшего сосуда.

– У меня тут кое-что новенькое, – пропел Фрэнк со слегка отрешенным выражением на лице. – Как раз для такого ценителя, как ты.

Фрэнк повернулся к стене, опустил к потрепанной сумке из коричневой кожи, лежавшей на мостовой, порылся в ней недолго и извлек такой же потрепанный алюминиевый термос и чистый пластиковый стакан. Фрэнк неуклюже открутил крышку термоса, шумно дунул в стакан, после чего стряхнул его и вылил туда из термоса коричневую дымящуюся жижу. Запахло алкоголем и чем-то еще, чем-то южным. Запах был такой сильный, что я на миг перестал слышать Мейн-стрит.

– Вот, – протянул он мне стаканчик с энтузиазмом.

Теплая жидкость, слегка пощипывая язык, мягко потекла в меня. Голова немного закружилась, затем усталое тело наполнилось легкостью и свежестью.

– Прямо в точку, Фрэнк. Что это?

– Не поверишь, – просиял он в ответ, – это кофе со свежими листьями коки и настоящим ирландским виски. За выдержку, конечно, не ручаюсь, но парень, который его гонит строго соблюдает технологию.

Я не поверил своим ушам.

– Ты это серьезно? Кока? Где, черт побери, в Нью-Йорке ты нашел коку?

– Знаешь, достать хороший виски тут гораздо сложнее, – со знанием дела ответил Фрэнк.

– А как же тот, что продают за углом по двести баксов за бутылку? Ты его пробовал?

– Я вот что тебе скажу. На вкус он у них напоминает чай, заваренный в водке, – у него засверкали глаза, как у доктора Хауса в момент озарения. – А неплохая идея! Надо попробовать замочить чай в водке. Пихну Майку как коньяк. Этот тетерев все равно ничего не поймет.

Я отхлебнул еще немного чудодейственного напитка.

– Не забудь таблетки, Артур. Аллергия – штука серьезная.

– Да, Фрэнк, спасибо. Ты прям моя мамочка, хотя она не знала рецептов лекарств от похмелья. Что интересного пишут в газетах?

Фрэнк часто рассказывал мне о новостях, которые он вычитывал то тут, то там, объясняя их скрытый смысл. Так, месяц назад он с уверенностью заявлял, что утонувшая у побережья Южной Африки яхта одного из крупнейших игроков

на рынке алмазов не что иное, как попытка заставить других игроков принять новые правила игры. А встречу топ-менеджеров пяти крупнейших банков Европы в Брюсселе Фрэнк уверенно назвал победой Уолл-стрит над Старым светом. Что бы это ни значило. Меня забавляло его рвение, и я эгоистично ему потакал, подстегивая его время от времени вопросами по теме.

– Знаешь, я штудировал периодику за последние две недели. Возможно, тебе стоит заглянуть в Джерси.

– Что там?

– Помнишь, на прошлой неделе я говорил тебе об убийстве в Бронксе? В Джерси произошло такое же. Я чувствовал, что одним это не кончится. Слишком искусно проделанная работа.

Это был первый сигнал к возвращению в реальность.

– Ты хочешь сказать, что это серийный убийца? Но это нетипично, – начал анализировать я. – Слишком далеко от первой жертвы. Да, к тому же, два убийства – это еще не признак. Это всего лишь дурной знак. Мертвый ворон у водопоя не всегда значит, что твой конь подохнет. Где ты это вычитал?

– Но как насчет почерка? Посмотри.

Фрэнк протянул мне аккуратно обрезанные газетные колонки, на которых были изображены тела жертв. Разумеется, по картинке понять ничего было нельзя, но в статьях действительно описывался схожий способ убийства.

– Это ведь не может быть подражатель, – продолжил Фрэнк. – Возможно, у него просто большой ареал.

– Где ты это взял, Фрэнк?

– Одна джерсийская газетенка опубликовала с утра. Похоже, крупные издания еще не в курсе. Да и судя по твоей реакции, у вас тоже ни сном ни духом.

– Не зарывайся, друг. Бюро – дело святое даже для меня.

Фрэнк подошел к памятнику Джефферсона, расстегнул ширинку и стал поливать монумент без малейшего зазрения совести.

– Ты чего творишь, Фрэнк? Тут же люди.

– Я хочу писать.

– Кончай давай, вон идет коп.

– Что здесь происходит? – вмешался страж порядка. Он стремительно направлялся к Фрэнку, намереваясь прервать акт вандализма. Надо было что-то делать, иначе он мог найти дурь в сумке Фрэнка.

– Стой, парень, – я перерезал ему дорогу и показал жетон. – Лучше тебе пройти мимо.

– Но это же центр Нью-Йорка!

– Что ж, думаю, большое яблоко потерпит испражнение одного бомжа.

– Вы это серьезно? Он мочится на Джефферсона!

– Слушай, друг. Ты же видел жетон. Я тут провожу официальное расследование. Я устанавливаю с ним психологический контакт и, не дай бог, ты сейчас его сорвешь.

– Но...

– Дяде Сэму нужно, чтобы этот бомж прямо сейчас обоссал Томаса Джефферсона. Тебе понятно? И если ты продолжишь тут строить из себя поборника морали, я сделаю так, что тебя переведут в регулировщики на такой длительный срок, что в свидетельстве о рождении твоего ребенка в графе отец напишут «Регулировщик». Тебе ясно?

У бедолаги глаза поползли вверх. Все, что он смог процедить, это унылое «Да, сэр», после чего поспешно ретировался и растворился в толпе.

– Кто это был? – непринужденно спросил Фрэнк, протирая ладони влажной салфеткой.

Каков наглец. Но я не собирался обижаться на него.

– Ладно, проехали. Это все, конечно, незаконно, но держи наготове эту свою штуку, ладно? Кстати, как ты ее назвал?

– «Мери Лу», – мечтательно протянул Фрэнк и глубоко вздохнул.

– Что за «Мери Лу»? Хотя ладно, потом расскажешь. Меня тут и так заждались. Читай газеты дальше.

– До встречи, парень.

«Мери Лу» сделала свое дело. Я чувствовал себя прекрасно. Надо было отдать должное Фрэнку – он разбирался в тонкостях человеческой души и умел варить лечебные зелья на любой вкус.

Через пару кварталов я оказался перед зданием отдела. Я вошел в просторный холл, поздоровался с персоналом, под-

нялся на второй этаж и направился в свой кабинет. По дороге еще пришлось отпустить пару дежурных приветствий и построить глазки секретарше босса. Я открыл кабинет Стоуна, и в нос ударил терпкий запах сигар. Где-то из-за жалюзи доносился гул улицы, сирены, сигналы машин. Стоун был единственным человеком во всем здании, в чьем кабинете открывались окна. На выполнение этого трюка ему пришлось потратить целую кучу денег и связей, но, по-моему, оно того стоило.

– Сколько можно опаздывать, ну на самом деле, Артур. Я уже не знаю, как с тобой разговаривать.

Стоун без прелюдий разыгрывал свою пьесу. Поначалу его негодование всегда было наигранным, но после пары минут увещеваний абсолютно бесстрастное выражение моего лица вгоняло его в уныние, и он пытался вырваться из него при помощи настоящих эмоций.

– Если ты не хочешь работать в департаменте, то напиши рапорт на перевод. Освободи ты место, и мы найдем того, кто будет выполнять обязанности как следует. Почему кто-то должен делать твою работу? Лари пришлось писать за тебя отчет на прошлой неделе!

– Ты можешь разрешить мне запросить данные по убийству в Бронксе? – пора было кончать его монолог.

Стоун вылупил глаза.

– Тебе не кажется, что ты уже слишком наглеешь? – зло проговорил он.

– Не для протокола. Я хорошо к тебе отношусь, ты это знаешь. Но эта твоя театральность уже приелась. Мне нужны данные по убийству в Южном Бронксе. Что у тебя есть?

– Не знаю, ничего у меня нет! – осекся Стоун и закурил сигару. Подавив бесполезный приступ гнева, он сказал. – Иди, не хочу тебя видеть.

– Мне надо выехать, – сказал я.

– Допиши отчет, который ты должен был сдать еще в прошлый понедельник, и проваливай куда хочешь.

Наверное, следовало почувствовать себя слегка виноватым, ведь я его расстроил. Стоун был неплохой малый, поэтому я не стал уходить. Я подождал минуту. Сигара у него стала примерно на сантиметр короче, а значит можно было обращаться к нему снова.

– Так что с убийством?

– С каких это пор тебя интересуют дела об убийствах?

– Если вкратце, я думаю, это может быть маньяк. Или что-то еще. Я пока не уверен. Нужно заняться.

– Ты отстранен, помнишь? – съехидничал он.

– Почему ты об этом не помнишь, когда заставляешь меня отвечать на эти глупые запросы? Этим должны заниматься сосунки.

– Ты совсем охренел? – взревел Стоун.

– Мне нужно заняться чем-нибудь. Понимаешь? Это может быть действительно важным.

– Подожди, – сказал он наконец и взял телефонную труб-

ку. Пара фраз, заставивших тех, кто на другом конце, убедиться в весомости его полномочий, пара минут измученного выражения на лице, и Стоун положил трубку.

– По первому убийству получишь полицейский отчет и заключение криминалиста. По второму отчет еще не готов. Тебе придется выехать на место. У них там какие-то проблемы. Обследование проводят заново. Давай, проваливай. Нет, постой. Ты же отстранен, – Стоун протяжно фыркнул, протер лысину ладонью и откинулся в кресле. Потом он презрительно взглянул на табличку «Курить запрещено», висевшую в коридоре, достал сигару и с удовольствием ее прикурил. – Ты отстранен, так что приклейся там к какому-нибудь детективу. Напусти важности. Пускай делает работу. Ну что, мне тебе все объяснять? Давай, иди.

Я кивнул в ответ.

– И не забудь. В четверг заседание комиссии.

Новость была неожиданной, хотя судя по всему я должен был помнить об этом. Пришлось напрячься, чтобы подавить волну тошнотворного возбуждения, захлестнувшего мою без того распухшую голову.

– Ты это серьезно? – попробовал я пошутить. – Хочешь сказать, мне придется одевать галстук?

– Заканчивай уже, – прорычал он.

– Есть идеи, что Макмиллан затевает?

– Не знаю, – Стоун громко выдохнул и покачал головой. – Ничего не могу тебе сказать. Но он точно выкрутится. Я не

знаю как. Но он выкрутится. Что там твои связи? Ты с кем-нибудь говорил об этом? Кто-нибудь сверху тебя поддержит?

– Сомневаюсь, – ответил я. – А ты? Ты сможешь помочь?

Стоун напрягся всем телом. Лицо его внезапно стало уставшим. Ему явно не хотелось отвечать на мой вопрос, но я не отставал.

– Что скажешь?

– Не знаю, – наконец выдавил он из себя, вертя головой из стороны в сторону, будто искал место, где можно было бы спрятаться. – Никто ничего конкретного не говорит.

Это был его собственный способ сказать, что у него ничего не получилось, и попытаться не потерять при этом лицо.

– Ладно, убедил! – улыбнулся я. – В четверг надену глаженую рубашку.

Стоун снова стал орать на меня. Он говорил слова, которые должны были меня мотивировать или оскорбить, я, по правде, давно перестал понимать, что именно начальство пытается сделать, чтобы заставить меня выполнять их волю. Что ж, это был второй сигнал. Пора было возвращаться к реальности.

Глава 3. В погоне за фактами

Понедельник. 14:30.

После Стоуна я зашел в свой кабинет, уселся в кожаное кресло, которое мне однажды удалось умыкнуть из конференц-зала, и смог немного расслабиться. Я оглядел свои владения, и на душе стало немного спокойнее. Все стояло на месте. Мои три цветка были в порядке. Думаю, уборщик в душе ненавидел меня за необходимость их поливать. Я не знал, как они называются, поэтому дал им имена. Зеленый – Форца, красный – Хальт, желтый – Голд. К каждому я прилепил стикеры с подробными инструкциями о том, как именно нужно их поливать, потому что уборщик чуть не убил Хальта и Голда, поливая их так же обильно, как слон свой задний проход после длительного перехода от одного оазиса к другому. Наверное, мои инструкции, написанные слегка нахальным тоном, изрядно позлили уборщика.

И пускай злится, подумал я в сотый раз. Бюро платит ему за это деньги. Пока что я часть бюро. И мы живем в Нью-Йорке, а не в Пхеньяне. Здесь, если ты получаешь деньги за работу, ты должен молча выполнять волю заказчика и запрятать свое возмущение и негодование куда-нибудь глубже. Иначе твое место займет другой, которому, в принципе, нет никакого дела до чужой души. И все, что ему надо, – это тереть пол с девяти до шести, чтобы получить свои пятнадцать

сотен долларов, заплатить за канал порнухи, а если повезет, то купить пиццу и пиво на сдачу. Вот он – капитализм, когда один имеет право заткнуть другому рот деньгами, а другой доволен, ведь он тоже получит возможность заткнуть кому-нибудь рот заработанным.

Покончив с цветами, я повернулся к доске из коры пробкового дерева, на которой я размещал схемы преступлений. Я достал из кармана пиджака газетные вырезки Фрэнка и приколот их в центре доски.

«В Нью-Йорке очередное убийство. Жертва – Мери Ламберт. Ей было 32 года. Убийство произошло на Парк-стрит 23 июня 2015 года в 23:16. Жертве нанесены четыре колотые раны в область шеи с задней стороны. При этом артерии были перерезаны. Жертва лежала на спине, но судя по всему ей также был нанесен удар в грудь, в область сердца».

Потом я приколот к доске более свежую вырезку. Автор этой заметки не скупился на подробности.

«Дороти Картер тридцати пяти лет была зверски убита на пороге своего дома, на юго-западе Нью-Джерси. Убийца нанес ей пять тяжелейших ранений в шею, а закончилась эта феерия ужаса ударом огромного тесака в сердце. Она истекла кровью, как жертва древнему ацтекскому богу».

Я отошел от доски и увидел обширную коричневую пустоту. Эта пустота пугала, потому что мне предстояло заполнять ее подробностями, новыми фактами и, скорее всего, новыми некрологами. Эта доска была словно магический шар пред-

сказательницы, но в отличие от шара на ней можно было разглядеть только плохой конец.

В кабинет без стука вошел Пол Шульц. Мы учились в Квантико на одном курсе. После окончания обучения его отправили в Мичиган. Только через пять лет ему удалось перевестись в Нью-Йорк. Шульц протянул мне папку с бумагами.

– Вот, Стоун попросил передать тебе, – сказал Шульц. – Что там?

Быстро просмотрев содержимое папки, я заговорил с ним.

– Убийство в Джерси. Оно, возможно, связано с еще одним убийством на прошлой неделе в Нью-Йорке. Пока что я смог получить только заключение патологоанатома по первой жертве и кое-какие заметки детектива. Ничего особенного. Ты не заглянул в папку?

– Понятно. Что там слышно про этого педика, Марка? Ты его видел?

– Нет. Что-то случилось? – мне понадобилась пара секунд, чтобы переключиться на тему, которую предложил Шульц.

– Да, он хотел меня заставить взяться за расследование дела об инсайте, – выпалил Шульц воинственным тоном. – Но я послал его куда подальше и потребовал от него письменного указания, направленного через секретаря.

Шульц говорил о старшем агенте департамента Марке Макмиллане, с которым у него отношения не складывались с самого перевода в Нью-Йорк. Хотя в последнее время Макмиллан доводил весь департамент своим нервным поведе-

нием и желанием выжать из нас все соки.

– Лихо, – честно признался я. Безрассудная смелость Шульца иногда будила во мне давно забытые восторженные чувства. Я ощущал себя маленьким ребенком, чей школьный приятель посмел восстать против надоевшего всем учителя и поставить его на место.

– Ну, ты даешь, – приободрил я Шульца. – И что он тебе сказал?

– Ничего, – фыркнул Шулец. – Как обычно, засунул язык в задницу и сказал, чтобы я уходил из его кабинета.

– Что думаешь делать дальше?

– Я буду писать рапорт директору. Я рассчитываю на твою помощь, – серьезно подвел черту Шулец.

Напрягать ситуацию мне не хотелось, ведь моя собственная судьба висела на волоске. Я попытался представить себе, что будет предпринимать Макмиллан и действия Шульца. Но целостная картина не выстраивалась.

– Ты же знаешь, мне нужно пережить комиссию, – посетовал я. – А еще есть Фостер и другие, которые тебя не поддержат.

– Смит сказал, что поддержит меня. Надо проявить принципиальность и прижать его. Сколько он еще сможет так обращаться с нами всеми?

Но Шульцу пришлось уйти, не дождавшись от меня ответа. Он остался недоволен нашей беседой, и меня это смутило. Конфликт с начальством набирал обороты. Макмиллан

в последнее время стал допускать оскорбления в адрес всех подчиненных, в том числе и меня. Шульца же Макмиллан и вовсе пытался учить жизни, чего последний никак не мог терпеть, так как был родом из Монтаны.

Отложив мысли о баталиях в департаменте, я направился к кабинету Дэна Франклина.

– Привет, Дэн. У меня тут пара вопросов назрела. Можешь помочь?

– Да, заходи, – ответил Дэн, не отрываясь от монитора. Вид у него был слегка измученный, приправленный чувством ответственности и озлобленности.

Как только я зашел к нему в кабинет, зазвонил телефон. Дэн ответил, и тут зазвонил его мобильный. Глядя на это, я понял, почему в Нью-Йорке падает посещаемость в цирках. Дэн каким-то чудом ухитрился воспринять поток информации с обоих телефонов и связно ответить в обе трубки. Потом он едва заметно прикрыл веки и выдохнул так, будто только что распял звонивших. Он посмотрел на меня и бесстрастно спросил:

– Что?

– Два убийства. В Нью-Йорке и Джерси. Мери Ламберт и Дороти Картер. Ты слышал про них?

– Да, читал в сводках. Что с ними?

– Твоя осведомленность не перестает восхищать. Черт побери, как ты это делаешь?

Дэн был единственным человеком во всем департаменте,

кто получал удовольствие от того, что делал. Или, по крайней мере, он был единственным, кто понимал смысл нашей работы.

– Сколько ты уже изучил? – спросил я, слегка меняя тему.

– Вся судебная практика штата до девяносто шестого года.

Есть отдельные акты восьмидесятых и семидесятых, – едва уловимо усмехнулся Дэн.

– Ты чертова машина. Как Шерлок Холмс, только вместо кокаина у тебя информация.

В отличие от Холмса Дэн наполнял свои чертоги абсолютно всем без разбора. И этим пользовался целый департамент. К Дэну звонили все без разбора по любым самым глупым вопросам, а он всем отвечал. И хотя он мог сделать блестящую карьеру адвоката, почему-то Дэн продолжал работать в бюро. Ко всему прочему, у него была удивительная способность проникновенно молчать. Люди приходили к нему, начинали говорить, а он только и делал, что молчал. Не получая в ответ ни слова, люди сидели и выкладывали ему разную дребедень. А он все это слушал, но никогда не выдавал никаких тайн.

– В общем, я говорил с Фрэнком, и он посоветовал обратиться на них внимание. Что скажешь? – я протянул Дэну свою папку с данными по убийствам.

– Тебе официально поручили это дело?

– Нет, я ведь отстранен. И Стоун пока не видит необходимости нам вмешиваться.

– А где второй отчет?

– Стоун сказал, что полицейские проводят повторное обследование второго места преступления. Отчета криминалиста у них тоже пока нет.

– Я понимаю, почему Фрэнк посоветовал тебе изучить эти убийства. Судя по тому, что я пока вижу, почерк схожий. Очень скрупулезная работа. Схема убийства отработана до автоматизма.

– Даже слишком скрупулезная. Он делал это и раньше, – добавил я.

– Я бы поехал на место преступления и прочесал все сам, – сказал Дэн. – Скорее всего, копы действительно что-то упустили. Ты, конечно, не лучший агент бюро, но свой взгляд на вещи имеешь. А у них глаз замылен.

– Да уж.

– Как там у тебя дела, Артур? Вы уже развелись? – если Дэн решил спросить о личном, значит вид у меня был действительно жалкий.

– Вчера опять допился до беспамятства.

– Ну и как? Помогает?

– Нет. Но что еще делать, я не знаю. Все летит в пропасть. К тому же Марк насаждает. Благодаря Стоуну у меня есть хоть какая-то возможность заниматься делом. Правда, меня лишили допуска к базам.

– Это скверно, – произнес Дэн, уставившись куда-то в угол кабинета. – Сколько уже прошло со дня смерти Джессики?

– Вчера было два года.

Дэн понимающе кивнул головой.

– Слушание в четверг?

– Да.

– Ты готов?

– Был ли готов Иисус к распятию? Он догадывался, что дела будут скверные, но вряд ли был готов.

Дэн глухо усмехнулся.

– Ты что-нибудь слышал от Макмиллана? Он говорил о том, что будет на комиссии?

– Нет, – ответил Дэн, – но Макмиллан очень спокоен. Еще вчера он бегал, как угорелый, а сегодня вдруг успокоился.

– Что остальные? Кто-нибудь из наших собирается выступать?

– Я не знаю. Отвлекись. Займись этими убийствами, – заключил Дэн, – поезжай в Джерси.

Глава 4. Он, Дженкинс

Понедельник. 18:15.

По приезде я обнаружил полицейский кордон. Стены домов отсвечивали синим и красным в тон свету, меняющемуся в сиренах. Зевак не было, и я с легкостью нашел детектива, который с уставшим видом руководил роем сержантов и коронеров в черных кепках.

– Отчет до сих пор не составлен? – спросил я его.

Детектив посмотрел на меня с нескрываемым отчаяньем, но по опыту я знал, что это всего лишь привычное состояние для его мимических мышц. В мире детективов не было принято тренировать улыбку от уха до уха. Лица этих парней чаще всего застывали в злобе или в отчаянии, в зависимости от того, как реагировала их нервная система на прелести профессии вроде вспоротых кишок и ночных вызовов. Хотя я и встречал как-то улыбчивого детектива, но он улыбался потому, что стал детективом слишком поздно, да и был всегда немножко под мухой. Так что это не считается.

– А вы, простите? – спросил он меня. Голос его с натяжкой можно было назвать дружелюбным и малость надменным. Вот куда реализовалось его продиктованное тысячами плакатов желание иметь беззаботную улыбку.

– Я из ФБР, – повторив ритуал с демонстрацией значка, я смог продолжить. – Так что с отчетом?

– ФБР занимается убийством? С чего это?

– Думаю, вопрос неуместен. Это официальное расследование, и я жду всецелой поддержки.

– Работу начал мой старший коллега. Он закончил все как-то слишком быстро. Я подумал, что он мог что-то упустить.

– Скорее всего, – многозначительно сказал я. – Но это, наверное, от недостатка опыта.

– Скорее от его переизбытка. Мне кажется, он просто не желает искать следы, ведущие к длинной дороге.

Парень не на своем месте, подумал я. Образно мыслит, да и галстук был подобран в тон к рубашке.

– А вы, стало быть, хотите? – поинтересовался я.

– Вот, взгляните.

Он протянул мне два прозрачных пакета. В одном из них был небольшой золотой медальон в форме головы оленя. Медальон был в крови. Во втором – кусок сломанного ногтя. И это уже было действительным признаком неординарного мышления.

– Вы знаете, что это значит? – спросил он.

– Да, я знаю. Чего я не знаю, это вашего имени, и это немного напрягает.

– Дженкинс.

– Стало быть, Дженкинс, в доме убитой вы нашли символ Ордена Седьмого дня и кусок ногтя. Где вы его нашли?

– Его нашли за комодом.

– Первый раз слышу, что полицейские сдвигают комоды при обыске.

– Крайне щедрый подарок судьбы, не так ли? – просиял слегка Дженкинс.

– Точнее не скажешь.

Меня заинтриговало то, как складно у нас получалось развивать диалог. Дженкинсу на вид было не больше двадцати пяти. И мне начинало казаться, что он из той категории молодых людей, которые слишком рано начинают воспринимать все серьезно. Да, определенно, он был именно таким. Аккуратно одетый, раздавал указания с четкой, слегка жестокой интонацией. Из небедной семьи, судя по часам и широко расставленным плечам, будто он с детства привык командовать небольшими толпами прислуги.

Мне стало интересно, что он подумал обо мне.

– Пришлите мне отчет, когда он будет готов. Коронеры знают, как меня найти. Попросите их отправить копию спецгенту Блейку.

Дженкинс рассеянно кивнул мне, обшаривая в четвертый раз книжные полки.

– Дженкинс. Интересная фамилия. Звучная. Откуда вы?

– Я из Бостона, – судя по выражению, с которым он это произнес, я сделал вывод, что ему больше нравились гамбургеры, чем утиная печень по-бургундски. Готов был поспорить, что Дженкинс-старший писал кипятком, когда непокорный сын пытался ему это объяснить. Но папаша сам ви-

новат. Чего еще можно ожидать от отпрысков поколения «ютьюба»?

– Да, мне стоило догадаться. У меня было несколько однокурсников-бостонцев в Квантико. Но в мое время бостонцы были, как бы это правильнее сказать, недоступнее.

– Это все «ютьюб», – сказал Дженкинс так серьезно, что у меня пробежали мурашки по телу. Парень читал мои мысли. – Простите, мне нужно продолжить.

В то время как рой полицейских во главе со своим откровенно аристократическим вожаком, крихтя и ругаясь, общались углы таунхауса, я встал у входа в гостиную комнату, засунул руки в карман и начал оглядываться. Вот пятна крови на дверном проеме, ведущем на кухню. Здесь убийца ударил жертву головой об косяк. Затем он оттолкнул ее в центр зала. Бил он метко, кровь за несколько минут практически вся вытекла из жертвы.

– Прямо иудейское жертвоприношение, – вырвалось у меня.

– Вы еврей? – прозвучал резкий вопрос.

– Вас это смущает? – ответил я откровенно по-еврейски.

– Пока нет, – ответил Дженкинс и как-то совсем по-саксонски покосился на меня. – Выглядите, скорее, как выходец с Кавказа.

– Неужели? Где это? – пошутил я.

– Где-то в России и в ее окрестностях.

Шутка не прошла. Все-таки слишком серьезный, подумал

я и попробовал ответить предельно драматично.

– Никогда там не бывал. Хотя кто знает? Америка перемолола не одну народность. Может быть, кто-то из моих предков не был до конца благочестив и имел-таки дело с кавказскими гоями. Не хотите перейти к обсуждению убийства?

Лицо Дженкинса снова стало измученно-серьезным. Он повернулся к месту, где лежало тело, и стал излагать свою точку зрения, которая не отличалась от моей. Из этого я заключил, что мне все-таки придется угостить его виски. Или молочным коктейлем. Я подумал, что неплохо было бы поинтересоваться заранее.

– А что вы предпочитаете из напитков? – спросил я, когда он закончил деловое повествование.

– Бренди, сер, – ответил Дженкинс, вытянувшись на пятках и вздернув подбородок. Мой вопрос его явно воодушевил.

– Тогда имеет смысл обсудить детали где-нибудь, где, по крайней мере, в ближайшее время никого не убивали. Дайте указание сержанту закончить с отчетом и поехали со мной. Мне придется воспользоваться вашей помощью в расследовании, и не сказать, что мне будет неприятно.

По настоянию Дженкинса мы приехали в загородный клуб, в котором, очевидно, люди моего пошива появлялись только с целью показать бесстрастному привратнику ордер на обыск и получить вежливый отказ после нескольких минут ожидания. Мне стало слегка не по себе, когда пришлось

парковать свой черный «Таурус» возле новенького «Мазерати», но я сделал вид, что подобные заведения вполне для меня привычны.

Клуб представлял собой огромный трехэтажный дворец в викторианском стиле с двумя пятиэтажными шпилями в восточной и западной части. Здание было построено из темно-красного кирпича, оконные ставни были нарочито деревянные, словно насмешка над всеми «зелеными» движениями. Вокруг его опоясывало обширное поле для гольфа, укрытое от посторонних глаз густым лесом.

– Спасем леса Амазонки, – прокричал я шепотом.

– О да, несомненно, – усмехнулся Дженкинс. – Я вас понял. Место, конечно, противоречивое, но бренди здесь подают отменный.

– Этот лакей так смотрит на меня, будто ждет, пока я пройду мимо, чтобы всадить мне серебряный нож в спину.

– Милтон? Вполне возможно, – заметил Дженкинс. – Я больше чем уверен, что он на это способен. В прошлом году он на глазах у всего клуба из дробовика снес голову еноту, который имел неосторожность залезть на кухню. Его не выгнали потому, что местная публика крайне консервативна и обожает подобного рода демонстрации человеческого характера.

– Мне повезло, что пиджак на мне сегодня твидовый, и я вряд ли смахиваю на енота.

Миновав Милтона, мы удобно расположились в кожаных

креслах у стены в огромном зале, стены которого были богато отделаны деревом. С высоченного потолка, изысканно обведенного лепниной, свисала огромная хрустальная люстра. Будто этого было мало для создания антуража английского салона, на стенах также висели картины с изображением английской охоты, а по углам помещения красовались огромные фарфоровые вазы. Тут же к нам подошел джентльмен средних лет во фраке, с белым полотенцем на руке и поинтересовался, не желаем ли мы отобедать.

Разумеется, я предоставил свободу действий Дженкинсу, который весьма ловко дал понять джентльмену, чего именно нам хочется в это время суток, после чего джентльмен с полотенцем удалился, и мы смогли начать говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.